

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОРАЗМЕРНОСТЬ, ЛЮБОВЬ, УМ

Василий Иванович Белов родился в семье потомственных крестьян в вологодской деревне Тимонихе, окруженной лесами и морошковыми болотами. В давние времена из Тимонихи доходили всего с одним ночлегом до знаменитого Ферапонтова монастыря, главный храм которого был расписан фресковой живописью великим творцом Дионисием с талантливыми, трудолюбивыми сыновьями. Сейчас Тимониха оскудела, превратилась в маленькую деревушку.

Родная деревня привязала к себе писателя — он возвращается в свое детство, слышит исчезающий праздник многих и многих свадеб, мерный скрип мельничных крыльев... Она все помнит, эта вместительная, отзывчивая писательская душа, обязанная своим творческим даром родной земле.

Земля научила Белова слушать. «Представим себе бескрайний летний лес с его то затухающим, то вновь нара-

стающим, бесконечно широким шумом, с тревожными редкими вскриками то ли дятлов, то ли зайчат, с едва уловимым звоном комариных оркестров. И вдруг в этот широкий вселенский шум будто влетается пение какой-то удивительно музыкальной птицы. Печальный и нежный голос пастушьего рожка так необходимо-естествен среди этих теплых лесов! Он ведет свою мелодию, и она, словно тонкая нить, связывает безбрежность мира с душой человека».

Так поразительно чутко слышит писатель голоса отчей земли. Он умеет ее живописать, понимает и знает ее людей, ее настоящее и прошлое.

От Белова, признанного прозаика, ждали значительной книги. И он выпустил сначала роман «Кануны», объемно показавший Вологодский край на пороге коллективизации, а затем — серию очерков «Лад». И все же, когда очерки эти сложились в единое целое, стали законченным произведением, впечатление было

Василий Белов. Лад. М., «Молодая гвардия», 1982.

неожиданным. Писатель отошел от «чистой» прозы, взял на вооружение исследовательский метод, превратился в ученого-изыскателя.

Книга, состоящая из многочисленных главок и частей, глубоко научна, пропитана информацией, поражает эрудицией. Поэтому и чтение ее требует определенного соучастия ума. Язык «Лада» музыкален, интонационно богат, образен. Стилистика Белова, свискавшая ему заслуженную известность, не потускнела, обрела дополнительные очертания, оттенки.

«Лад» — монографическое произведение. Василий Белов шел долгим путем к замыслу своего цикла, целенаправленно изучая северную русскую деревню, бытие которой развернулось на столетия в историческом времени, накопило множество традиций, повлияло на формирование национального характера, на уровень эстетики и культуры народа. Север вековечен, заволжские земли, от Ярославля до Архангельска, заселялись, осваивались и обживались сотни столетий назад. Север был трудолюбив, самобытен. Его вдоль и поперек исходили книжники, изографы, зодчие; здесь выращивали лен и рожь, чернили серебро, рубили шатровые часовни. С работой над такой книгой пельзы было ждать: что-то исчезало из бытия, стихли бивальщины, перевелись искусные печники, забылись промыслы. Северная деревня сдвинулась, прощаясь с тысячелетним укладом. Белов и застал этот исторический сдвиг. Крестьянин, он запомнил прошлое, потому что без него, накопленного опыта, нет будущего.

Итак, путь Белова к его

книге — это путь глубинного изучения народной жизни. Книга сугубо научна, исполнена поэтической прелести. Пушкин говорил о Карамзине-историке, что его «История государства Российского» открыла историческую Русь, как Колумб американский материк. Белов же открыл нам новый Север.

Да, мы знали о Заволжье, о Заволочье, знали Кирилла Белозерского, Ферапонта и Дионисия, русских отважных путешественников и первопроездовцев Дежнева, Хабарова, Ермака. Знали творчество мастерицы игрушек Ульяны Бабкиной, устюжскую чернь Евстафия Шильниковского. О Севере живописно, влюбленно прежде рассказывали произведения Муравьева, Пришвина, Яшина. Воспел Месяц художник Виктор Попков, о Вологодском крае узнали мы по гравюрам графика Бурмагина, по стихам Николая Рубцова.

А «Лад» пришел как сенсация. Эта книга — энциклопедия. Она столько всегоместила, что чувствуешь: Белову стоило немалых усилий сдержать напор материала. «Лад», примыкая к ранее созданным произведениям — «Капунам», «Привычному делу», «Плотницким рассказам», по существу, продолжает исследование народной жизни. В своей книге писатель отмечает: «Искусство зародилось в глубине повседневного народного быта. Оно незаметно, незаметно и иногда и для самого художника, росло и полнело (матерело, как говорят на Севере). Без мощного почвенно-бытового слоя даже у талантливого сеятеля и поливальщика цветы вырастают чахлые, цветущие коротко и неярко. Этот бытовой слой

формировался в течение долгих веков, удобренный тысячами разнообразных, взаимосвязанных и взаимозаменяемых обычаев и трудовых навыков».

А вот генеральная идея «Лада», как ее понимает автор: «Вне памяти, вне традиции истории и культуры нет личности. Память формирует духовную крепость человека».

Очерки о народной эстетике Севера напоминают нам о давней причастности крестьянина к жизни природы, о великолепной наблюдательности и сообразительности наших предков, освоившихся с природными капризами и суровостью зимних выюг, засух, половодий, напоминают нам и о труде забываемых, почетных в прошлом работников — плотников, кузнецов, копателей колодезев, пастухов, сапожников, столяров, печников, гончаров, коновалов, мельников, многих других мастеров, воспетых еще в стихах Некрасова. Василий Белов не забывает о прекрасной русской крестьянке, пишет очерки о трудовых спутниках женской судьбы: тереблении льна, обмолоте, трепке (льна), очесе, обработке пряжи, выбеливании, витье веревок, вязке рыболовных снастей, вязании, шитье, плетении. Мы и слова-то некоторые стали забывать, вроде — очес, вить, поскотина, волость, подворье, клеть, бухтипа, — не то что помнить о секретах северной черни или резьбы по бересте. Нет, надо, надо напоминать, откуда мы родом, откуда наши традиции, наш опыт.

Этнографичен ли «Лад»? Безусловно. Некоторые критики поставили это качество книги в вину автору. Да что тут плохого, помилуйте! Городскому человеку интересно

знать, как плетут лапти, это же потомственное занятие, потребность нормальной жизни крестьянина, это же было, наконец. Уважая сноровку детей, саму природу, которой мы всем обязаны, мы уважаем тысячелетнее ремесло народа. И очерк о плетении лаптей — своего рода нравственное наставничество Белова, адресованное нам, городским людям, оторванным по разным причинам от земли...

Пила, топор, колесо, плуг, шило, удочка, самовар — какие только предметы, или, точнее, спутники крестьянина, способные помочь ему обжиться, поставить на ноги детей, не воспеты Беловым — писатель словно одухотворяет все эти принадлежности домашнего обихода, рыбалки, сенокоса, масленицы, проводов в армию, ярмарки. Щедро, душевно пишет автор «Лада», преследуя высшую нравственную цель: не дать пропасть прошлому Севера, перекинуть мостик к будущему, к осознанию неисчислимых ценностей былого уклада жизни.

Лад для автора — синоним красоты, мира, порядка в семье. Писатель верит в семью, в наследование лучшего. Он говорит: «Пример повседневного поведения взрослого (деда, отца, брата) неотступно стоял перед детским оком. Не потому ли в хороших семьях редко, чрезвычайно редко вырастали дурные люди? Семья еще в детстве как бы прививала невосприимчивость ко всякого рода нравственным вывертам». К сказанному можно добавить: на самом деле прививала, формировала ребенка, влюбляла его в природу, в работу, прививала доброту.

Книга «Лад» вышла с фотоиллюстрациями кивооперато-

